

ИСТОРИИ ЛЮБВИ

Маша Мериль — урожденная княжна Мария-Магдалина Гагарина — знаменитая французская актриса. В середине 60-х годов прошлого столетия у нее случился безумный роман с Андроном Кончаловским. В Париже увидели свет мемуары актрисы. Фрагмент из них в переводе Елены Бельской предлагаем вашему вниманию.

ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ШАРЛАТАН АНДРОН

*Москва —
— 2005 —
— 24.6. (N3) —
— с. 10*

...Чуть не забыла рассказать этот эпизод.

Московский кинофестиваль проходил раз в четыре года (1967 год. — Е. Б.). Французская делегация была отобрана самым тщательным образом. Предполагалось, что мои русские корни сильно обрадуют организаторов. Брежнев сменил Хрущева, ужесточение чувствовалось во всем. Нас опекали, как в детском саду: "Запрещено передвигаться индивидуально, запрещено разговаривать с "неаккредитованными" русскими, запрещено отлучаться от группы".

Мой друг Паскаль Обье из журнала *Les Cahiers du Cinema* бормотал немного по-русски, как и я. Молодые русские коллеги нас быстро вычислили. Среди них Отар Иоселиани, Тарковский и два брата, "бедовые дети" ВГИКа, Андрей Кончаловский и Никита Михалков. Один был режиссером, другой — актером. Оба красивые и пылкие, они ощущали себя рожденными для великих дел.

Андрон, как его все называли, был заинтригован тем, что я была сторонницей коммунизма. Он предложил посмотреть его фильм, снятый с большим трудом и запрещенный властями.

"История Аси Клячкиной..." была восхитительна. Не все было понятно, поскольку крестьяне в нем говорили на диалекте. Но его

свежесть, его подлинность нас просто вдохновили. Мы пообещали поговорить с нашими кинопрокатчиками, чтобы фильм вышел во Франции. И даже составили заговор о том, как подпольно вывезти из страны 16-миллиметровую копию. Я предложила мою косметичку, выглядевшую менее подозрительно, нежели сумка. Мне казалось, что мы — партизаны.

Я была очарована не только фильмом, но и самим Андроном — типом мужчины, столь отличным от европейских самцов, от моих французских приятелей. Он предложил провести нас за кулисы Большого театра и в оркестровую яму во время балета.

Это было единственным развлечением, которое мы могли себе позволить. Общение с нами прилюдно в холле "России" повлекло бы за собой серьезные неприятности.

Мы купили в "Березке" бутылку водки и по кругу выпили ее из горлышка, распевая песни и провозглашая тосты за дружбу, за женщин и за искусство. Слеза эмоций появлялась иногда в углах его глаз, которым бы доверилась без оговорок.

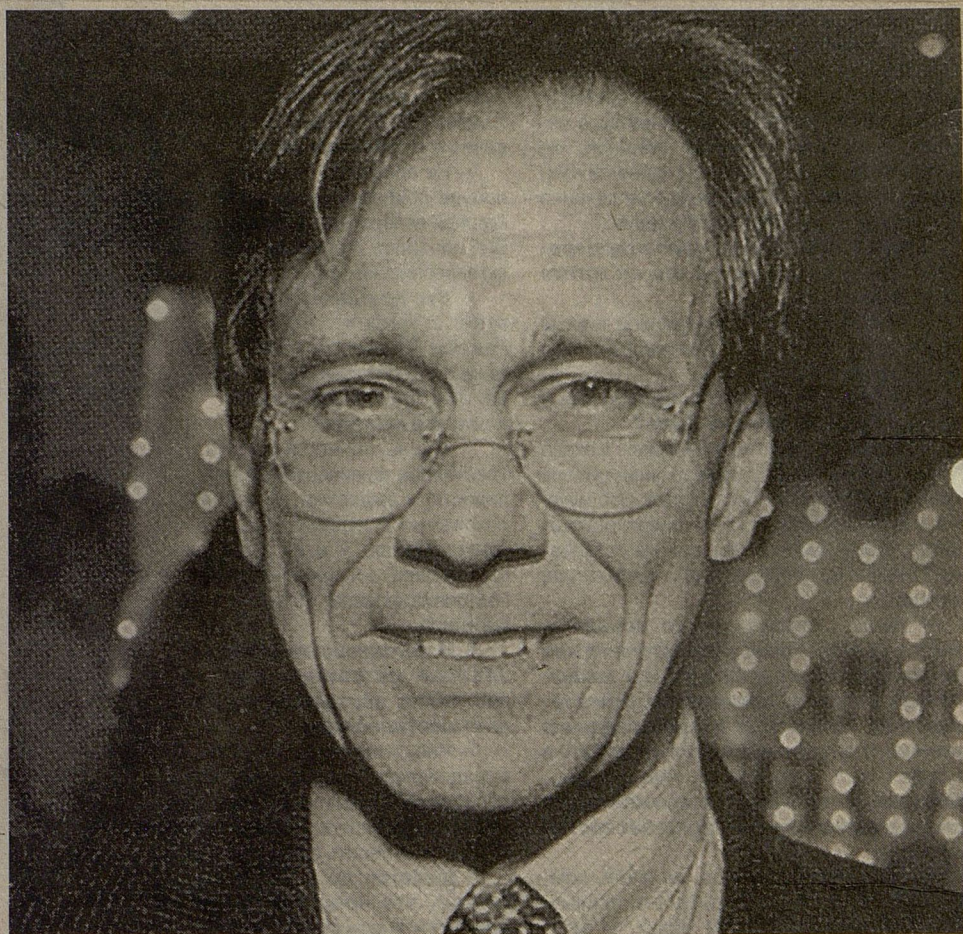
Вдруг, на площади у Большого театра, он взял меня на руки, поднял над собой, как трофеем чемпионата мира.

— Я счастлив, — говорил он. — Я люблю тебя.

Вид у него был искренний и потрясенный. Он начал меня кружить, кружить. Он целовал мои руки, мои глаза, мои волосы. У меня самой уже кружилась голова. Алкоголь и любовь врывались в мою плоть, как июльский ветер, пахнущий степью и тундрой. Я превратилась в вариацию страсти.

Последовала неистовая идиллия. Мы больше не расставались ни на миг. Мы занимались любовью, когда другие просматривали фильмы. Мы исчезали через запасной выход, как только в зале гас свет. Восемь суток я спала не более получаса в ночь. Тосты не прекращались: за того, за другого, за отсутствующих, за покинувших, за любимых героев, за шпионивших за нами милиционеров, за Трюффо, за Годара... Столько алкоголя я не поглотила за всю мою жизнь. Но мы были молоды и способны выдерживать все это...

Сегодня я думаю, что этот мальчик, без сомнения, крепкий и яростный, подсознательно мстил мне за все то, чего у него не было в его стране. Он наказывал меня за мою свободу, за мое настроение, за мой успех, за мои солнечные очки *Ray Ban*, за мой паспорт, с которым я беспрепятственно уеду, тогда как он останется в Москве, замурованный, заключенный. Его ярость невозможно объяснить иначе, поскольку он был искренне влюблен...

Целая когорта русских друзей провожала нас до самого трапа самолета. Они принесли с собой трогательные подарки, пирожки, выпеченные их мамами, открытки с их адресами, написанные латинскими и русскими буквами, меховые шапки плохой выделки и наполовину растаявшие карамельки в пожелтевших от

времени коробках. Андрон принес мне один-единственный цветок и сказал:

— Помни о нашем обещании. Каждый год в этот день я буду ждать тебя на площади у Большого театра, помни.

Я еще несколько раз видела с Андроном. Одно рандеву в Праге, еще одно в Польше, там, куда его послали, — внутри Восточной

Европы. Он писал мне письма по-русски, я отвечала по-английски. Проходили месяцы, и я постепенно осознавала, что не приду на площадь перед Большим в следующем году. Миллионы вещей еще произойдут к тому моменту. Это очень долго — один год, когда тебе двадцать.

Продолжение следует.

Мериль Шарлотта

327

(N3) 01.05. 1997